

ЧТО ТАКОЕ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР»?

Борис Межуев

БОРИС МЕЖУЕВ — шеф-редактор «Русского журнала»

Интересно представить себе, какой ассоциативный ряд возникает у рядового гражданина России при слове «демократия». Думаю, грамотный опрос немедленно выявил бы основной паттерн восприятия этого слова: «демократия» — это то, что от нас требуют, это то, чем мы должны являться. Кто требует — более-менее понятно. Менее понятно, почему должны.

В настоящем выпуске представлены разные точки зрения на демократию, в том числе и такая, согласно которой демократия — не более чем удобный инструмент согласования интересов элит. Ценностный аспект демократии признается чем-то второстепенным. Мне представляется, что серьезный научный подход к любому социальному явлению должен начинаться с выделения именно ценностного аспекта.

В том и дело, что мы не всегда точно понимаем, в чем ценность демократии. Более того, это часто не могут сделать и те народы, которые искренне пытаются стать демократиями. Уверен, что и Куба, и Ливия, и Египет, и большая часть латиноамериканских стран в какой-то момент своей истории, после освобождения от диктатуры

или феодальных монархий, вполне искренне захотели стать демократиями. Однако в итоге возникло нечто очень смутно напоминающее западную политическую модель. Политологи-позитивисты упорно изыскивают причины, по которым эти страны так и не пришли к тому, к чему они должны прийти, — к демократической модели европейского образца. Одна школа указывает на низкий уровень дохода на душу населения, другая — на несоблюдение процедуры при переходе от диктатуры к демократии, третья — на авторитарные пережитки.

Все это, однако, оставляет за кадром основной вопрос — **а по какой причине следует всем этим странам стремиться именно к западной модели демократии, игнорируя альтернативные предпочтения и устремления?** Что стоит за ценностным выбором в пользу этой модели?

Сложность данного выбора состоит в том, что он в глубине своей противоречив. Выбор в пользу демократии осложнен необходимостью одновременного наличия в процессе строительства этого строя двух альтернативных друг другу интенций по отношению к власти. **Демократия — это такой строй, при котором граждане в одно и то же время и доверяют своей власти, и испытывают к ней острейшее недоверие.** Причем и доверие, и недоверие реализуются на институциональном уровне.

И никому не приходит в голову вопрос: а зачем надо не доверять той власти, которой мы доверяем? Казалось бы, при установлении демократии свергается непопулярный тиран и деспот и на его место приходит лидер, пользующийся всеобщей любовью. Зачем же раздражать любимца масс еще и наличием системной оппозиции, а также независимого парламента, вставляющего ему палки в колеса, и других атрибутов современной западной государственности? Зачем нужно это системное недоверие власти, которая облечена нашим доверием?

Ровно на этом вопросе и ломается весь незападный демократический транзит. И он не может не ломаться — никто в мире не обязан разделять радикальную протестантскую установку, согласно которой недоверие к видимой власти — религиозный долг верующего христианина, не смеющего наделять абсолютным доверием ничто земное и потому неизбежно греховное. Смешно требовать от мусульман и православных тех же очень специфических религиозных переживаний, которые отличали протестантов XVII века и секулярных продолжателей их дела — просветителей века XVIII.

И тем не менее, несмотря на то, что выбор в пользу демократии всегда специфичен и всегда индивидуален, существуют определенные предпосылки к тому, чтобы считать этот выбор отдаленной перспективой для каждого народа. Рано или поздно каждый народ проникается ощущением постыдности, неприемлемости политической (а в перспективе и всякой иной) зависимости от иноземной власти. Как пишет в нынешнем выпуске Джеффри Стаут, каждый народ приходит к пониманию, что **«любой, кем правит иностранный господин, — это раб, даже если этот господин относительно благожелателен»**. Это стремление к независимости от иноземной власти в конечном счете и является той основой, из которой возникает чувство недоверия к власти как таковой, которое, на мой взгляд, является необходимым условием для полноценного усвоения западной демократической модели.

Именно поэтому любая попытка что-то «навязать» извне не может привести ни к какой демократии — в лучшем случае на место непопулярного тирана придет тиран популярный. И никакое копирование западных институтов ничему не способствует: популярный тиран подстроит под себя и оппозицию, и парламент, и даже независимый суд, причем еще и без всякого попрания буквы закона. ■